

Большая политика

№5 (7), май 2006

Церковь одной партии

Логика веры у участников Всемирного русского Собора подчинена не религиозной, светской идеологии

Документы X Всемирного русского народного собора - вступительное слово патриарха, доклад митрополита Кирилла и Декларация о правах и достоинствах человека - РПЦ впервые пытается определить своё отношение к проблеме «прав человека».

Концепция прав человека, как правильно говорит митрополит Кирилл, «родилась и развивалась в западных странах» и её развитие, начавшееся с эпохи Реформации, неотделимо от всего развития современного мира с его наукой, техникой, рынком и демократией. «Права человека», подчинение власти праву и принятие разными идеологиями и религиями общих правовых норм – одно из требований современности, один из аспектов модернизации. Но это – именно тот аспект современного общества, усвоение которого для России – особенно трудно.

Верь во что хочешь, но не хулигань

И для РПЦ, которая на протяжении всей своей истории – ни при царе, ни при советской власти – практически никогда не жила в правовых условиях и не сталкивалась с идеологическими вызовами со стороны современного демократического общества, определить своё отношение к «правам человека» - задача новая и сложная.

В средние века, эпоху безраздельного господства православной церкви в духовной жизни России, ни о каких правах человека речи идти не могло. Для людей этого времени было самоочевидно, что высшей задачей человека является «спасение души», для которого отнюдь не достаточно соблюдения общепринятых моральных норм («добродетели язычников»), а необходима прежде всего вера, принадлежность к истинной Церкви. Это было время, когда Иван Грозный мог искренне надеяться попасть в Царствие Небесное, поскольку от веры он не отступал, в церковь ходил, посты соблюдал, исповедывался и т.д., а за убитых им Бог простит. Нам сейчас уже трудно понять этот мир средневековья, в котором поступки, представляющиеся нам сейчас ужасными и аморальными, были вполне оправданными и даже нравственными. Сжигали еретиков, преследовали раскольников, насильственно крестили татар и язычников – не негодяи и садисты (вернее, совершенно не обязательно негодяи и садисты). Это делали люди, которые были глубоко убеждены, что они спасают души людей. Ведь некрещёным язычникам и мусульманам после смерти уготован ад, а еретик – хуже заразного больного, так как чума или холера могут лишь обречь людей на временные страдания и погубить тело, а соблазнённый еретиком обречён на вечные муки и погубит душу. Этот мир, где палачи и жертвы легко менялись местами, где, если бы идущие на смерть, но не отрекающиеся от своей веры еретики вдруг победили, они точно также стали бы сжигать на кострах своих бывших преследователей, был по своему логичен, последователен и даже прекрасен.

Но этого мира уже нет. В современном мире последние «бастионы» обороняющегося средневековья - это афганские талибы, взрывающие буддистские «идолы», афганские судьи, которые недавно приговорили к смерти человека, перешедшего в христианство, иракские сунниты, подрывающие мечети «неверных» шиитов, обезумевшие террористы Аль-Каиды. В «большом» мире давно победили «права человека», которые означают подчинение всех религий общим морально-правовым нормам. Имманентный этому миру принцип, который с негодованием цитирует

митрополит Кирилл - «свобода вероисповедания ограничена правами человека», что в переводе на простой русский язык значит: «верь во что хочешь, но веди себя прилично и не хулигань».

Муки церковного сознания

Могут ли религии подчиниться общим для всех правовым и моральным нормам современного мира? Подчиняются, значит могут. Но это всегда – трудно, ибо противоречит естественному универсализму религии. Если ты действительно убеждён, что твоя вера – истинная и единственная приводящая человека к спасению, сохранить её и одновременно не мешать проповедовать иноверцам, которые губят людские души, – очень нелёгкое дело. Чтобы подчиниться нормам прав человека искренне, принять общеобязательные правила поведения, религиям нужно очень глубокое переосмысление всего своего наследия.

Но этот процесс идёт, идёт уже давно и во всех церквях и религиях, хотя с разной скоростью, встречая разной силы сопротивление и в разных формах. Идёт он и у нас, и материалы собора – тому свидетельство. Но, как всё у нас, он идёт очень сложно и мучительно.

Эти муки современного российского церковного сознания видны в документах собора, в их противоречивости и нелогичности, проистекающих из-за присутствия в них разных, противоположных друг другу логик.

Одна логика – это нормальная логика средневековой веры, в которой, строго говоря, вообще нет места свободе вероисповеданий (не может быть свободы для проповеди того, что губит души людей) и для прав человека (есть одно «право» – следовать учению Церкви, ведущему к спасению души). В соответствии с этой логикой Декларация заявляет: «Мы признаём права и свободы человека в той мере, в какой они помогают восхождению личности к добру». Но как определить, что добро и что – зло? Митрополит Кирилл говорит: «различие между секулярным гуманизмом и религиозными традициями касается решения вопроса о том, кого считать авторитетом в определении добра и зла». Человек сам не может точно определить, что есть добро и зло – грех застилает ему глаза. Но «Бог помогает человеку сохранить эту способность распознавания через своё Откровение».

Пока что всё ясно и всё логично. Бог через Церковь дал Откровение, истинное определение того, что такое добро и что такое зло, и это ограничивает любые права человека. Они кончаются на пороге церкви. А общество должно подчиняться церкви, как носителю высшей Истины.

Но выдержать эту логику не получается. Современные идеи и ценности вторгаются в неё, искажают её и порождают причудливые идеологические конструкции. Сразу же за словами митрополита Кирилла о том, что Бог помогает человеку распознать истину через Откровение, идёт следующий конец этой фразы: «содержащее хорошо известный и признаваемый практически всеми религиозными традициями свод нравственных правил». Это – уже из совсем иной логики. До сведения христианского Откровения к своду общих для всех традиций нравственных правил, по-моему, не додумался ни один «секулярный гуманист». Это – почище любой «ереси экуменизма», «экуменизм навыворот».

Между тем, это – совсем не случайная неудачная фраза. Весь текст Кирилла построен на том, что никаких противоречий между «традиционными» религиями нет – почти так, как в древнем Риме разные языческие боги мирно сосуществовали, и преследовалась только «деструктивная» и «тоталитарная» секта христиан. Кирилл даже говорит, что между разными религиями должно быть «категорически исключено соревнование в миссии». Здесь «терпимость» Кирилла – больше, чем терпимость западных обществ, которую он так осуждает. Кирилл отвергает «западный» принцип подчинение религий общим нормам, но в западном обществе никто не запрещает «соревнования в миссии», его только вводят в рамки определённых правил. Кирилл же

вообще готов от него отказаться. Отцы церкви и русские святые от такой терпимости митрополита к буддистам и мусульманам должны в гробах перевернуться.

Терпимость от нетерпимости

Как объяснить эти противоречия? Почему митрополита, который так осуждает «светский гуманизм» и «западное понимание» прав человека, не волнует то, что при «категорическом запрещении соревнования в миссии» миллионы китайцев, мусульман, буддистов и прочих так и не услышат Евангелия и будут обречены на вечную гибель? Откуда это сочетание нетерпимости к «деструктивным сектам» и терпимости к мусульманам, буддистам, кажется, даже иудаистам?

Дело в том, что логика веры подчиняется у Кирилла и участников Собора логике совершенно не религиозной, светской идеологии. Как вообще можно понять, во что человек действительно, а не на словах, верит? Это определяется его делами, его жизненными выборами. Вера – это то, что тебе действительно дорого, чем ты не пожертвуешь ради чего-то другого. Если ты идёшь на смерть, как протопоп Аввакум за то, чтобы креститься двумя пальцами, ясно, что ты веришь в это, ты доказываешь эту веру своей жизнью и своей смертью. Но если ты готов отказаться от проповеди буддистам и мусульманам и вместе с ними, единым фронтом противостоять соблазнам «западной цивилизации» с её «пресловутыми» правами человека, значит, твоя реальная вера – не вера в Бога и его Откровение, а в то, что западная цивилизация – источник зла.

Современность «обмануть» очень трудно, она подчиняет себе и тех, кто пытается ей противостоять. Ведь секуляризм и модернизм – это не только пересмотр традиции, не только экуменизм и женское священство у англикан и лютеран. Это и полное соблюдение традиции, когда реальным объектом веры становится не содержание этой традиции, а просто сама традиционность. Одно дело – верить в истинность своей религии, и совсем другое – верить в то, что всякие народы должны придерживаться своих разных религиозных традиций и не отступать от них под влиянием западных учений о «правах человека» и иностранных миссий. Первое – это религиозная вера, второе – вера во вполне светскую и современную российскую идеологию, являющуюся комбинацией национализма, антидемократизма и традиционализма. Не случайно более, чем сомнительный псевдонаучный термин «русская цивилизация» (интересно, говорят ли румыны о «румынской цивилизации», а албанцы – об «албанской») упоминается митрополитом чаще, чем слова «Христос» и «Евангелие».

Истинный смысл всех рассуждений митрополита и деяний участников Собора, по моему, выражен словами «Декларации», где говорится, что Собор «против использования прав человека для навязывания определённого государственного и общественного строя».

Власть в нашей «управляемой демократии» боится «оранжевых революций», боится идущей с Запада демократической «заразы». Но никакой серьёзной идеологии, которую она могла бы противопоставить идеям демократии, у неё нет. Однако, есть традиционный авторитет религии, который можно использовать. Если защиту строя, при котором у оппозиции нет доступа к СМИ, при котором власть может снимать неудобных кандидатов в депутаты с регистрации, арестовывать олигархов, которые неудобны президенту и т.п., объявить защитой «русской цивилизации» и к этому прибавить защиту православной веры и «достоинства человека», получается не так уж и плохо. Авторитарному государству нужна церковь, готовая противопоставить правам человека его «достоинство», которому противоречит терпимость к гомосексуализму и разрешение аборт, но не противоречит фальсификация выборов и цензура СМИ. И церкви нужно авторитарное государство, от которого - все материальные блага, и которое защитит её от иноверцев, пытающихся проповедовать русским и отбирать паству. Получается византийская «симфония» светской и духовной власти.

Когда-то в Англии была фраза: «Англиканская церковь – это партия консерваторов на коленях. Но в Англии, где демократия - неуправляемая, были и есть и другие церкви и

другие партии. У нас, в соответствии с особенностями «русской цивилизации» (в этом она близка ко многим другим «цивилизациям»– белорусской, узбекской, туркменской, северокорейской и т.д.) должна быть одна партия, которая так и называется : «Единая Россия», и одна церковь – РПЦ.